

По службе и дружбе полвека читал сочинения юной поросли, рождённые в тихие, печально-обмершие осенние дни, либо в синеватые, раздумчивые зимние вечера, либо короткими, как всполох зарницы, летними ночами. В иных сочинениях, в былые лета начертанных вкось и вкривь на свитках и тетрадных осьмушках, – сон разума, что рождает чудовищ, в иных – довременная душевная усталость и мысли, бездумно списанные с зачитанных хрестоматий, что в одночасье постарели, словно с обложек сорвали кумачовые рубища, обнажив тоскливую пустоту и морщинистую худобу. Тешил мою читательскую душу романтизм и, присущий юности, нравственный максимализм, хотя и жаль, что презирался не грех ближнего, а сам грешник, коего бы любить и жалеть пуще здорового, ибо хвор, да и все мы во грехах, яко во шелках. В эдаком максимализме, круто замешанном на гордыне, одиночестве и презрении к толпе, таилась взрывная разрушительная сила, что в буржуазном веке породила самоубийства и убийства ближних из презрения к ближним.

Из иных сочинений сочился змеиный яд цинизма и национального нигилизма, коя у нынешних мертвотушных торгашей, ростовщиков и чиновников воплотилось в неприязнь к совестливому русскому слову, русскому обычаю и обряду.

Но, слава Богу, избранные сочинения юных дарований умиляли, восхищали ранней сердечной мудростью, сострадательной любовью к ближнему, что уже любовь к Вышнему, и чутко услышанной любознательной, цветистой речью русских веков. От воплощения в прозаических сочинениях житейских бед и радостей избранные взошли к осмыслению многовековой народной судьбы, к исповеди и проповеди любви, запечатленной строгим слогом. Дивила блаженная ясность душ, Божиим чудом убережённая в зловещем сумраке, в утробном рёве пресыщенных лиходеёв, в хмельном плаче нищих бродяг, вчерашних трудяг, тоскующих по

родному рабоче-крестьянскому царству-государству.

Рождённое в сердце писателя в сердце читателя возрастёт; рождённое в разуме, лишь разума и коснется; и благо, коли в душе молодого сочинителя – любовь, коя осветит и освятит читательские души. В согласии с сим извечным законом творчества из широкого и пестрого потока молодой прозы и поэзии я, будучи издателем и редактором журнала, просеивал рукописи. Превозносительно выделять в напутном слове некие произведения молодых сочинителей дело неблагодарное, да и жаль отымать хлеб у доморощенных белинских.

Отравленные формальным изыском, по-юношески глупые либо застарело безумные, в коих бес вошел, либо лукавые, служащие сему бесу, – эдакие брезгливо морщились: дескать, веет от опусов и виршей дохлятиной и болотной тухлятиной русского академизма и народного традиционализма. Но писатели и читатели, чующие сладковатый и терпкий полынный дух русской народности дивились тому, что и в поколении, созревшем под владычеством биороботного эгоцентризма, явились писатели, воспевающие любовь.

Даже в одичалые девяностые, когда супостаты похитили народное добро и ёрничали, измывались над русским целомудрием, искушали похотью ветреных, даже в тогдашнем российском сумраке, в житейской скудости и бесправии мечтательные юноши и девушки вдохновенно сочиняли стихи и прозу. Если юную душу не палило честолюбие, то сочинение, словно ясный и печальный вздох, словно небесный, божественный восторг, вздымалось из покаянной и ликующей души, жаждущей любви к Вышнему и ближнему, – в сем благословенном случае юным дарованиям можно поклониться, даже если проза и стихи, что явились из-под их пера, неуклюжи и шершавы. Вспомним, как ранешний деревенский паренек, целомудренный и жалостливый, коряво и мучительно объясняется в любви, хотя давно уже возлюбил деву более себя самого. Разумеется, и слово бы высокое, вровень с высоким чувством, но то даровано лишь избранным, чьи произведения близки молитве. Хотя и тихий поэтический дар, подобный шелесту листвы, воспевающий любовь, – уже радость земная и небесная... Горько, когда за хлёстким и вёртким словом холод, пустота либо лукавство и соблазн книгочеям.

Память доброго сочинителя, кою распирают впечатления, жаждет выражения, и не в застольных беседах, а в сокровенном сочинении, ибо не имеет выражения, как в былые времена, в величавом устном поэтическом слове. И столь дивны юные дарования, что воистину по Божьему промыслу начинали писательство с откровенного, исповедального душеписания, пусть даже бледным и бедным слогом.

II

В былые лета довелось читать рукописи молодых сочинителей, кои вошли в сборник «Пусть будет музыкой любовь...», довелось разбирать и оценивать сочинения с точки зрения народности – речь не о воспевании сохи и бороны, серпа и цепа, лаптя и сарафана, хотя и сия песнь во славу русскому писателю; речь об изображении души героя в яростном борении света и тьмы, в небесных взлётах и земных падениях.

В сем смысле впечатлила повесть М. П. «Ямской стан», где в сокровенном голосе слышатся века устной и книжной поэзии, коя живет и в русской прозе. Рассказ А. Г. «Украденной имя» – полная житейских страданий и радостей жизнь деревенской бабы от девичества и до седых волос. Рассказ – школа всесветно славленной деревенской прозы, где писатели не вышли из простолюдья, но духом и словом остались в сем простом и добром народе, даже и приобщившись к мировой литературе.

Страдающие журнализмом, скудоязычием, тем не менее, близки русской школе рассказы В. М., которые можно обозначить и старописательским речением *физиологический очерк*, что мастерски сочинял Николай Некрасов. Рассказ «Напасть»: кающийся пьяница Спиридонов, измученная жена, бедовая семья; и в описании горьких будней сочинителя поджидало роковое искушение намалевать картины жизни словно дёгтем, погружая души читателей в унылый мрак, руша божественную гармонию света и тени. И добро, что юный сочинитель пытается одолеть искушение сладостного мрака... Увы, столь редки в нынешней литературе откровенные житейские сказы, ведающие о счастье обывателей, что возвысились над суетными буднями, потаённо, бескорыстно и деятельно возлюбив ближнего, что предтеча любви ко Всевышнему.

Подобное впечатление и о пронзительно печальном рассказе Э. Т. «Письмо» про забытую деревушку, про одинокую старуху, брошенную родом-племенем; но от сказа сего трагического не веет вышеупомянутой беспросветной тьмой. Светлы и целомудрены рассказы В. Ш. о юношеской любви с восхищением, одухотворением мира, но и с муками ревности, робости, со встречами и разлуками. Сказ столь поучителен и душе-спасителен в нынешнее лихолетье, когда юношескую любовь бульварная беллетристика, а тем паче зрелищные искусство опустили *до кустов*.

Если толковать о прочих прозаических сочинениях, что не бездарны, со сложным психологическим рисунком, с яркими сценами и характерами, но от духа и речи сих писаний веет стылой переводной литературой, или, хуже того, дешевым бульварным чтивом.

А коли судить, рядить о поэзии, то стихи юных в отличие от прозы подобраны не по правилу *всякой сестре по серье*, а по душевной и

поэтической одаренности стихотворца, по степени освоения академической школы русского стиха, что единственный путь к самобытному поэтическому голосу. О избранных стихах можно сказать: *здесь русский дух, здесь Русью пахнет*, и словотворчество не ощущается, в чем краса и сила стиха, но волнуют душу выстраданные поэтом, запечатленные чувства, возвышающие души из потёмков к солнечному свету.

И, коль юные дарования мечтают войти в *русскую* литературу, то должны обрести *русскость* в духе и слове. Словом, кроме филологической подготовки необходимо и русское народно-православное самосознание, необходима великая и восхитительная, сострадательная любовь к родному народу, чтобы эту любовь привить книгочехам. Но у большинства молодых литераторов в душе клубится смута, а в иных юных душах, не говоря о либеральной безродности, властвует даже и демонизм, не утаённый, показной.

А с точки зрения литературной учёбы мало разбора рукописи мастерами... Живописцы, прежде чем создавать свои полотна, будучи в картинных галереях, изучали зрительно, постигали душевно и духовно, и даже и копировали произведения великих русских и западных мастеров.

Завершая краткое слово, скажу, что впечатление от юных сочинителей всё же благоприятное, и думается, из эдакой молодёжи, читающей не бульварную беллетристику, а русскую классическую литературу двух столетий, может вырзеть созидательное поколение русской интеллигенции. Дай Боже, чтобы постигали и средневековую литературу, что христианским духом сродни святоотеческим сочинениям.